

Г.Л. Тульчинский

УДК 17; 378

Честный профессор и/или сервильный этос...

Аннотация. Решение альтернативы «честность-успешность» есть результат морального выбора каждого члена академического сообщества. Социальная оценка такого выбора зависит от конкретной конфигурации этосов в данном социуме.

Ключевые слова: выбор, профессор, успех, честность, этос.

Авторы «Ведомостей прикладной этики», занимаясь анализом этики успеха, ее перспективами в российском обществе, уже неоднократно обращались к этике успешности университетского профессора. Помимо общих рассуждений и концепций, на страницах журнала приводились рефлексии уважаемых специалистов над этапами их жизненного пути, факторами личностного роста не только в плане профессиональной карьеры, но и нравственного развития.

Тем не менее, как мне представляется, за важными и поучительными рассуждениями о чести и честности, о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в этике профессора, кроется интеллектуальный дискомфорт и нравственный ресентимент неопределенности, неоднозначности позиционирования профессуры в современном социуме, особенно – российском. И прежде всего такой дискомфорт испытывают специалисты по гуманитарным и социальным наукам. С одной стороны, достаточно убедительные слова о постиндустриальном обществе и экономике знаний, а с другой – «оптимизация» преподавания этих дисциплин, сокращение грантовой поддержки с акцентированным вниманием к естествознанию, конкретным технологиям технической и социальной инженерии. Во всем мире преподавание в университетах становится все в большей степени прекарным трудом. Работа по срочному найму (с сокращением его до годовых контрактов) с формальной оценкой труда исключительно по данным наукометрии (индексы цитирования, квартили научной периодики, в которых публикуются работы) –

все это довольно убедительно показывает, что контент научных работ мало кого интересует: в работе профессора главное – реквизиты и рейтинги. Что тут же породило инфраструктуру в виде сомнительного бизнеса услуг – платных публикаций в высокорейтинговых рецензируемых журналах, индексируемых в Scopus и WoS.

Да и общественное мнение довольно чутко реагирует на позиционирование труда ученых и преподавателей, о чем свидетельствуют расхожие мемы типа «британских ученых» и т.п.

Примером может служить слабая востребованность традиционной политической аналитики, доходящая до фольклорно-иронического отношения к политологам как медийным персонажам в духе «пикейных жилетов» из известного романа Ильфа и Петрова. В политической же аналитике, востребованной центрами принятия решений (властные структуры, спецслужбы), это недоверие к традиционной политической теории компенсируется обращением к нестандартным методам анализа. Например, в США все больше внимания уделяется исследованиям по биополитике, довербальным методам манипулирования общественным сознанием, дающим не только теоретическое, а конкретное технологическое знание.

Такое смещение социальных оценок труда ученых не может не сказываться на профессиональной этике, испытывающей серьезный вызов. Профессиональный этос научно-образовательной среды и так достаточно двойствен, мне уже приходилось писать о двойном стандарте научной этики: науки-в-имидже и науки-для-себя. В первом случае научный этос – представления о допустимом и недопустимом в поведении «настоящего ученого», о нормах, каким он должен соответствовать, – включает: интеллектуальную скромность, бескорыстие, эмоциональную нейтральность, беспристрастность, независимость, критичность к любому авторитету, открытость позиции, готовность принять критику, объективность, исключение партикуляризма. Однако любой, хотя бы немного знакомый с бытом и нравами науки, академической среды, знает, что в трудовых коллективах действуют другие этические максимы. По отношению к приведенному перечню с точностью до наоборот действуют: оригинальность, яркость и неординарность,

эмоциональная вовлеченность и ангажированность научной идеей; способность привлечь финансовые средства к продвижению идеи, рекламе; признание авторитета учителя и лидера; скрытность и закрытость по отношению к конкурентам, готовым перехватывать идеи; верность и преданность школе, направлению, лидеру; нетерпимость к «изменщикам».

В таком двойном стандарте нет ничего удивительного. Фактически научное академическое сообщество (точнее – каждое из научных сообществ) представляет собой субкультуру – со всеми характеристиками, применимыми к другим субкультурам (этническим, молодежным, детским, криминальным и др.). Научное сообщество – ничто иное, как одна из профессиональных субкультур со своими нормами, традициями, эпосом, сленгом, героями, юмором и т.п. Поэтому и складывается впечатление двойной морали, двойного стандарта. Одного, этакого этоса науки-для-себя – по отношению к «своим», которые должны быть преданными и блюсти чистоту рядов. И другого – этоса науки-в-имидже – для внешнего потребления, адресованного другим, которые должны видеть нас открытыми к критике, нейтральными, бесстрастными и т.п., а самое главное – сами быть таковыми.

В контексте данного рассмотрения речь идет преимущественно о первом этосе – именно он позиционируется в обществе и обществом оценивается. И в динамике такого позиционирования представляется принципиально важным учитывать динамику самого социального контекста. Интересные и конструктивные перспективы в этой связи открывает подход (недостаточно оцененный в нашей литературе), развиваемый в ряде работ Л.Болтански с коллегами [1; 2]. Речь идет о концепции различных этосов, образующих нравственный ландшафт любого современного социума. Л.Болтански называет их «мирами». Однако и русский перевод, использующий слово «грады», представляется уместным. В подавляющем большинстве языков – не только в русском – слово «гражданин» восходит к слову «горожанин» (буржуа, бюргер, ситизен, мещанин). И в современном, урбанизированном постиндустриальном «массовом» социуме представлена не одна универсальная нравственность, не одно нравственное «гражданство».

Так, Л.Болтански и Л.Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров (градов): мир вдохновения (*le monde de l'inspiration*), патриархальный мир (*le monde domestique*), мир репутации (*le monde de l'opinion*), гражданский мир (*le monde critique*), рыночный мир (*le monde marchand*), научно-технический мир (*le monde industriel*)

Каждый такой мир (град) имеет различные представления о справедливости. Эти различия Л.Болтански и Л.Тевено связывают с параметрами соответствующего этоса: представления о достоинстве, величии, успехе, провале и т.д. Например, в патриархальном этосе (ассоциируемом с военными, бюрократическими структурами) главными позитивными качествами выступают сдержанность, преданность, умение хранить секреты, долг, самоотречение, а целями являются статус, знаки отличия, провал связывается с изменой, небрежностью. В рыночном мире бизнеса позитив и успех связаны с востребованностью, прибылью, богатством, а неудача с невостребованностью, финансовым крахом. В медийном этосе репутации успешность связана с известностью, узнаваемостью, а крах с забытостью, неузнаваемостью. В научном мире – это описанные выше критерии. Важно, что не только критерии, но процедуры достижения целей, субъекты оценивания во всех мирах специфичны и практически мало пересекаются.

Такая систематизация уязвима для критики. Несомненно, возможны уточнения конкретизаций (операционализаций) параметров представлений о нормах, их справедливости. Кроме того, бросается в глаза, что религия и искусство оказались в одном кластере, где главным критерием являются вдохновение и фантазия. При этом научный этос сведен к индустриальной прагматике, что связано либо с отождествлением рациональности и эффективности, либо также с признанием полной ориентации современной науки не столько на бескорыстные поиски истины, сколько на решение практических проблем производства, политики, управления. Но при этом улавливается главное – существенные различия этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан со сформировавшими-

мися в современной цивилизации кластерами деятельности, связанными с ними рынками труда.

Бросается в глаза и параллель между типами социальных миров (градов) Болтански-Тевено и типами власти, выделенными в свое время А.Кожевым [3]. В истории политической философии четыре типа власти А.Кожев связал соответственно с образами Отца, Судьи, Вождя и Господина¹. В 1942 году он предложил на этой основе, пожалуй, наиболее детальную систематизацию видов власти, причем систематизацию, глубоко философски фундированную. В конечном счете, систематизация А.Кожева включает 64 возможных типа власти. Она состоит из 4 чистых типов: Отца (О), т.е. власть родителей, старших, традиции, мертвых (завещание), творца над творением; Судьи (С) – власть арбитра, исповедника, эксперта, честного человека; Вождя (В) – власть учителя, идеи, программы; Господина (Г) – власть победителя, офицера. Кроме того – 12 комбинаций двух чистых типов (первым указывается доминирующий тип): ОВ, ОГ, ОС; ВО, ВГ, ВС; ГО, ГВ, ГС; СО, СВ, СГ, и – 24 комбинации трех типов: ОВГ, ОГС, ОВС, ВГС; ОГВ, ОСГ, ОСВ, ВСГ; ВОГ, ГОС, ВОС, ГВС; ГОВ, СОГ, СОВ, СВГ; ВГО, ГСО, ВСО, ГСВ; ГВО, СГО, СВО, СГВ. К ним добавляются 48 комбинаций четырех типов, получаемых аналогичным образом.

Систематизация А.Кожева выглядит комбинаторической, как некая «алгебра власти». Однако она позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем типа властных

¹ Показательно, что эти типы власти А.Кожев связал не только с типами политического авторитета, но и с концепциями власти: теологической (теократической) концепцией, в которой легитимность обеспечивается апелляцией к божественным (мифологическим) происхождением власти; концепцией Платона, в которой власть опирается на справедливость, а всякая иная держится насильем; концепцией Аристотеля (к которой близка трактовка власти Конфуцием), согласно которой власть обосновывается мудростью, способностью к предвидению; и концепцией Гегеля, в которой власть понимается как отношение между Господином (победителем, готовым рисковать жизнью ради власти) и Рабом (побежденным, предпочитающим смерти подчинение Господину).

отношений, а если вспомнить об этосах (мирах) Л.Болтански, то и с точки зрения – конфигурации этосов в конкретном социуме. Главным в этой конфигурации оказывается доминирующий этос, который выходит на первый план в силу особенностей исторического развития и расклада социальных сил в данном обществе.

Соответствие моделей А.Кожева и Л.Болтански с Л.Тевено прослеживается достаточно ясно... Власть Отца связана с ценностно-нормативным комплексом Патриархального мира. Власть Господина вырастает из патриархальности в этосе иерархии силы, но в современном социуме это не только сила физического подавления, но и сила экономических ресурсов, т.е. современная власть Господина воплощается в корпоративности государства. Власть Вождя опирается на мир Вдохновения и Репутации. Власть Судьи опирается на этос Гражданского мира.

Несомненно, такое сопоставление типов этосов и власти нуждается в большем уточнении и систематизации. Но уже из проведенного сопоставления очевидно, что современный социум представляет собой систему различных этосов со своими критериями оценки и ресурсами влияния, в том числе – на формирование власти.

Кроме того, современное информационное общество выдвинуло еще один тип авторитета, основанный на публицитном капитале (*publicity* – известность и узнаваемость). Лица и группы, претендующие на власть в современном обществе, должны быть достаточно известными, легко распознаваемыми медийными персонажами. Недаром популярные артисты, спортсмены, шоумены в наши дни столь массово вышли на политическую арену. Более того, в информационном обществе с его широкой доступностью к огромным массивам информации, интенсивностью коммуникации, традиционные типы авторитета испытывают серьезные репутационные риски, достаточно легко и быстро дискредитируются. В какой-то степени известность и узнаваемость были и остаются фактором, дополнительно подкрепляющим авторитет. Однако в современном информационном обществе этот вспомогательный фактор начинает теснить традиционные типы авторитета. И концепция Л.Болтански и

Л.Тевено, вводящая отдельный социальный нормативный град репутации, роль этого фактора учитывает.

На основе разработок А.Кожева и Л.Болтански с коллегами, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация конкретного профессионального этоса возможны только на основе убедительной презентации представлений о справедливости (как минимум – основных пяти), критики, конфликта и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

Если вернуться к этосу академической профессии, то станут понятными причины сложившейся ситуации. Эйфория в отношении научно-технического прогресса в индустриальную эпоху, когда наука, ученые, образование были на вершине социальной и нравственной привлекательности, когда сложилась упомянутая выше ценностно-нормативная система «науки-в-имидже», помимо прочего, легшая в основу либерализма (социальной базой которого выступала академическая среда), в постиндустриальную эпоху уступила место скепсису, критическому отношению к науке. Проблемы экологии, техногенные катастрофы, крах программы «научно-обоснованного» преобразования общества были тому вескими причинами. Успехи современных коммуникативных технологий, обеспечивших новые возможности манипулирования, вывели на первый план носителей публичного капитала (артисты, спортсмены, политики), которым в общественном сознании ученые, университетская профессура не только уступают, но и выглядят профессионалами сервильного плана, обеспечивающими определенные услуги, прежде всего – образование и консалтинг.

В этой связи возникает вопрос о возможности изменения сложившейся ситуации. Является ли профессура социальной силой? Для этого она должна быть не только профессиональной группой, а общностью людей, которая: (а) обладает выра-

женными (артикулированными) интересами, (б) программой их реализации, (в) социальным капиталом (финансовыми, организационными, информационными, символическими ресурсами), необходимым для реализации этой программы. Бизнес (отраслевой и региональный) такой силой является. Так же, как и армия, другие силовые структуры, журналисты, бюджетники (врачи и учителя средних школ), даже – студенты. А вот профессора – вряд ли. Они в состоянии оказывать влияние преимущественно индивидуально в процессе образовательной деятельности и опосредованно – через экспертизу и консультирование или медиа².

Означает ли такая конфигурация жесткую альтернативу: либо быть Честным профессором (честным перед миссией производства и передачи знания), либо быть Успешным профессором по критериям сервильной прагматической востребованности, а теперь уже и лояльности по отношению к самой конфигурации?

Можно согласиться с тем, что честность перед знанием способна противостоять нарастающему гиперрегулированию научно-образовательной деятельности университетов. Да, производство и трансляция знания остаются основанием профессии, удерживающим ценностно-нормативную рамку для профессора, независимо от обстоятельств. Вместе с тем нельзя не отметить, что признание такой рамки в качестве базовой или вторичной (от сервильной) идентичности становится делом выбора и самоопределения конкретной личности, фактом личной биографии.

В выработке мотивации такого конкретного выбора участвует ряд факторов, образующих систему с прямой и обратной связью. Это и намерения (стремления) в виде образа желаемого будущего («хочу») и нежелаемого настоящего («не хочу»). Это и возможности (способности, подготовка, наличие ресурсов). Это и сама возможность принятия самостоятельного ре-

² И опыт непосредственного выхода гуманитарной интеллигенции на политическую арену имел для общества зачастую неоднозначный, а то и печальный, результат: якобинство во Франции, февраль-октябрь 1917 года в России, Салазар в Португалии, оттепель и перестройка во второй половине прошлого века.

шения, и воля к его реализации. Наконец, это оценка намерений, возможностей, решения, способов его реализации, конкретных действий и полученных результатов – оценка как со стороны социума, так и самой личностью. И такая оценка, конечно же, прежде всего – как успех или неудача, также выступающая в качестве мотивационного фактора, в свою очередь может иметь разные значимые формы: как успех-признание (известность и узнавание), как признание конкретными «значимыми другими», как успех-преодоление, как успех-самосовершенствование, как реализация призвания. Релевантность этих форм выражает степень осознания свободы и ответственности, а значит – нравственную зрелость личности.

Универсальных решений, как мне представляется, нет, и быть не может. В этой связи не думаю, что «профессия профессора» нуждается в некоей моральной реабилитации. Кредит доверия, репутация обусловлены личностным выбором, а воспринимается этот выбор как героизм или как самоотверженная или трагическая жертвенность – дело общественного мнения, которое, как известно, переменчиво.

Поэтому, в заключение, в качестве такового «пост-эпиграфа» (но не эпитафии!), можно привести несколько мудрых мыслей, высказанных людьми, имевшими жизненный опыт (не дай бог такого опыта нынешним профессорам). Наверное, потому эти мысли на все времена...

«Делай, что должно и будь, что будет» (Марк Аврелий, И.Кант, Л.Толстой).

«Профессионалу абсолютно все равно – какого цвета флаг развевается сегодня над цитаделью» (В.Б.Шкловский).

«Жизнь создана проще, обидней и не для интеллигентов» (М.М.Зощенко).

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛО, 2013.
3. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.